

нымъ человѣкомъ. Я бывалъ въ Александріи, самомъ многоязычномъ городѣ въ мірѣ, гдѣ каждый ребенокъ наслѣдуетъ шесть или восемь языковъ, такъ какъ тамъ всюду приняты языки: арабскій, французскій, итальянскій, греческій, англійскій, нѣмецкій, турецкій, армянскій, берберскій, испанскій и многіе другіе. А между тѣмъ большинство этихъ удивительныхъ лингвистовъ является людьми очень мало образованными. Я помню, у меня былъ тамъ знакомый купецъ, свободно владѣвшій полдюжиной языковъ, но его мысль не заходила дальше его торговыхъ дѣлъ и ежедневной прессы.

Знаніе иностраннаго языка — это желательное дополненіе къ образованію, если мы можемъ имъ пользоваться, но оно не есть образованіе. Оно является, такъ сказать, только рядомъ полезныхъ свѣдѣній. Также полезно знать названія улицъ въ городѣ, гдѣ мы собираемся жить, но изучать, на примѣръ, планъ Петербурга, для человѣка, не собирающагося туда, было бы пустой потерей времени. Прежде всего намъ надо знать то, что у насъ есть дома.

И объ образовательномъ значеніи нашего собственнаго языка мы имѣемъ преувеличенное понятіе. Мы преувеличиваемъ значеніе грамматики. Дѣйствительное назначеніе языка заключается только въ томъ, чтобы выражать наши мысли, и тотъ, кто говоритъ «намедни», совершенно такъ же выражаетъ ихъ, какъ и тотъ, кто говоритъ «нѣсколько дней тому назадъ». Наша грамматика нужна намъ главнымъ образомъ при встрѣчѣ съ другими людьми. Видимъ мы, что они ее знаютъ, и мы говоримъ себѣ: «А, васъ учили такъ же, какъ меня, мы принадлежимъ къ одному обществу». Это просто—масонскій знакъ, и ничего болѣе.

Я знаю одного человѣка, который часто ошибается въ разговорѣ и не можетъ написать страницы, не сдѣлавши нѣсколько ошибокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знаетъ почти все на свѣтѣ. Онъ можетъ построить домъ, устроить дорогу, работать у наковальни и починить косильную машину; онъ умѣетъ ходить за лошадьми и за рогатымъ скотомъ, знаетъ